

Том

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНИЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Въ мартовской книжкѣ *Христіанская Читалка* за прошедшій годъ помѣщены были мною библиографическія свѣдѣнія о двухъ сборникахъ *изъ исторіи* и *для исторіи* старообрядчества, изданныхъ въ прошломъ году г. Н. Поповымъ. Общая мысль моихъ замѣтокъ, вѣроятно, помнятъ читатели, была та, что изданія г. Попова — поодиночкѣ пусты, безполезны, и что появленіе ихъ въ свѣтъ можетъ быть объяснено единственно спекулятивными дѣлами. Въ частности, говоря о сборникѣ *изъ исторіи* старообрядчества, я утверждалъ и доказывалъ, что онъ состоитъ изъ перепечатки, нерѣдка безграмотной и бессмысленной, разныхъ книжекъ и статей, давно извѣстныхъ въ печати и знакомыхъ всѣмъ, кто занимается изученіемъ раскола. А разбирая сборникъ *для исторіи* старообрядчества, я старался доказать, на основаніи его содержанія, что г. Поповъ началъ на дружку за неименіемъ книгъ раскола, самъ много знакомъ съ исторіею и что помѣщенные имъ въ сборникъ раскольническіе документы не только не составляютъ новаго материала, въ чемъ утверждаетъ издатель, но иррекливны: одни изъ нихъ давно извѣстны всѣмъ и каждому, другіе — ничтожны по своему содержанію, третьи по своей бессмыслицѣ не могутъ дать никакого яснаго понятія о предметѣ, о которомъ трактуютъ,

четвертые — таковы, что могут быть названы ни на что не нужные балластомъ въ книгѣ, и только очень не многіе въ рукахъ людей опытныхъ могутъ принести некоторую пользу наукѣ. Въ заключение я советую г. Попову или заняться серьезной подготовкой къ издательству, или, если это почему либо невозможно, — совершенно оставить занятія, которыя ему не по силамъ.

Писавъ свои замѣтки объ изданіяхъ г. Попова, я не могъ не сознавать, что горькая правда, высказанная въ нихъ, не понравится издателю; но, увѣренный въ справедливость своихъ словъ, я и не воображалъ, чтобы г-нъ Поповъ на меня по поводу моихъ замѣчаній о его трудахъ могъ принять такіе ужасающіе размѣры, въ какихъ онъ выразился въ недавно явившемся „Отвѣтъ“ его на мои замѣтки, помѣщенномъ въ июньской книгѣ „Духа христіанина.“⁽¹⁾ Вместо того, чтобы объяснить, почему сборники явились въ такомъ, а не другомъ видѣ, и — или сознаться въ своихъ ошибкахъ, или доказать, что указанные мною недостатки не — недостатки, г. Поповъ обращается къ моей литературной дѣятельности и на основаніи своеобразнаго взгляда на нее начинаетъ утверждать, что я — человекъ не только неблагомысленный, но даже неправославный, — врагъ Церкви, что въ сочиненіяхъ моихъ господствуетъ не только „врагъ, но даже

(1) Въ той же книгѣ „Духа христіанина“ помѣщенъ между прочимъ библиографическій разборъ моей брошюры: „нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ.“ По своему благосклонному сужденію о моихъ критическихъ статьяхъ, этотъ разборъ находится въ совершенномъ противорѣчій „Отвѣту“ г. Попова, называющаго мою литературную дѣятельность пустою и даже вредною. Помѣщеніе редакціею подобныхъ статей въ одной и той же книгѣ для меня по меньшей мѣрѣ не объяснимо.

за нами: промѣтивъ, что вообще моя литературная деятельность притвляла много ошибокъ и вреда, но не пришла цѣлковой, келью ни православной церкви, ни литературы, ни обществу, ни государству? и пересылая къ вамъ подобныя замѣчанья, самою запальчивою брахью: Людно, я бы не обидѣлся на г. Попова за такую нелюбовность, аргументомъ. Каждый понимаетъ вещи по своему, а потому не удивительно, если мое замѣчаніе бытъ вездѣ благонамѣреннымъ ссыломъ Церкви и гражданности въ глаза г. Попова въ формѣ неблагонамѣренности. Не удивительно также и то, что г. Попову, печатно заявляющему, что книга „на исторію раскола“ не только издатель материаловъ для его исторіи,“ мои истерическія и біографическія статьи калугера „правды“: А потому, не пытая на малѣйшей симпатіи къ личной журнальной перебранкѣ, умѣя цѣнить надлежательный образъ неприличнаго выраженія вольновольнаго челоука, я лично желаю бы оставить „Отвѣтъ“ на Попова безъ вниманія, знавъ выраженіе „страстное состояніе души, находясь въ которомъ вѣровѣтъ, какъ говорится, тереться царя въ голоть“. Но такъ, какъ обидѣла меня въ благонамѣренности и беззастѣнливости его дѣла, издатель сборниковъ вѣковъ, моего общественного положенія, притая свои обвиненія ко мнѣ не просто какъ къ писателю, но и какъ къ „профессору духовной академіи, обучающему православнаго юношества исторію раскола, поставленному самою церковью на стражъ православія защитникомъ ея правъ и преимуществъ“; то понятно, что во имя того же общественного положенія, которое я занимаю и въ которое указываетъ г. Поповъ, я не могу, я не долженъ оставить безъ отвѣта „Отвѣта“ издателя сборниковъ, хотя,

признаюсь, мнѣ крайне не хотѣлось бы печально гово-
рить о своей благонамѣренности. . . .
— Но, прости, ты въ шпигану разбираешь выводимыя изъ
жизни: Пономѣвъ обвиненіи, я считаю должно объ-
яснить, не такъ ли сборниковъ, кто онъ: поступилъ крайне
восторженно, введя въ школу: со мнѣ: рѣчь о мо-
емъ публичномъ положеніи. Обиняя меня въ не-
благонамѣренности: не знавши своего дѣла не просто
какъ шестелъ, онъ и канц. профессора духовной акаде-
мии, обязаннаго защищать интересы православной цер-
кви, г. Поповъ чрезъ это не только бросаетъ тѣнь на
меня, но: за двѣдѣять то заведѣна, въ которомъ я имѣю
честь служить: и которое: будто бы до того: не далеко
видишь: что набираетъ своими профессорами людей, не:
знающихъ своего дѣла, — осорбляетъ наловель самую:
Церковь, и: интересы: которой: и: гадатель: сборниковъ:
такъ: ратуетъ: и: которая: будто бы: ставитъ и: держитъ:
на: стражѣ: своего: православна: людей: неблагонамѣрен-
ныхъ: Пусть же: пойметъ: г. Поповъ: что: обвиненія: его:
протина: меня: но: тѣмъ: выгодамъ; какіе: въ: насъ: охѣ-
дуютъ: и: какіе: комъ: серьезны, и: что: поэтому: если: я: смогу:
и: сумѣю: доказать: для: несправедливости, и: гадателя: сборни-
ковъ: заслужитъ: и: не: лезетъ: себѣ: на: ваваніе:
— Правда: в: о: о: р: Поповъ: на: да: е: т: м: н: а: мою: мысли:
те: н: у: ю: и: о: с: о: б: н: о: с: т: ь: и: старая: е: л: ,: до: н: а: з: а: т: ь: ,: что: у: м: е: н: я:
не: в: с: е: д: а: б: ы: в: а: ю: т: прав: и: л: ь: н: ы: е: л: о: г: и: ч: е: с: к: и: е: вы: в: о: д: ы: О: п: р: о: -
в: е: р: т: а: л: ь: м: о: в: н: а: м: ѣ: а: л: и: о: о: что: сбор: н: и: к: — п: у: с: т: ы: ,:
б: е: з: к: о: л: е: с: н: ы: ц: и: в: и: в: к: и: ,: в: ы: д: а: н: і: е: к: о: т: о: р: ы: е: м: о: г: ы: т: ы: б: ы: т: ь: о: б: ѣ: -
я: с: н: е: й: е: д: и: н: о: с: л: о: в: н: о: т: о: р: д: о: в: о: ю: с: п: е: к: у: л: а: ц: і: ю: ,: г. Поповъ
г: о: в: о: р: и: т: ы: ,: и: ц: и: р: е: з: в: ы: ч: а: й: н: о: с: т: р: а: н: ы: ,: л: о: г: и: ч: е: с: к: и: е: в: ы: в: о: д: ы: г:
Н: а: л: ы: с: к: а: г: о: р: н: и: ц: и: ,: не: з: а: к: л: ы: ч: а: ю: щ: і: я: в: ѣ: с: о: б: ѣ: н: и: ч: е:
и: и: н: а: д: е: л: ь: п: р: а: в: о: с: л: а: в: н: и: к: ѣ: ,: и: д: л: я: р: а: с: к: о: л: ы: н: ы:

новъ (этого я не говорилъ), — спекуляція! Да кто же будетъ покупать эти книжки, если они (?) не интересны.“ Такимъ образомъ, по мнѣнію издателя сборниковъ, не тотъ спекулируетъ, кто надѣляетъ публику за деньги пустыми, никому не нужными книженками, а тотъ, кто издастъ книги серьезныя и интересныя для всякаго и беретъ за нихъ известную сумму... Если та-кой взглядъ на дѣло г. Попова считаетъ логически — правильнымъ, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только смиренно сознаться, что, назвавъ пустые по содержанию сборники его спекуляціей, я поступилъ не логически... Не ограничиваясь указаннымъ замѣчаніемъ, издатель сборниковъ говоритъ далѣе: „не спекуляція ли, спорѣе, статья г. Нильскаго?“ Зная взглядъ г. Попова на книжную спекуляцію, я, кажется, не безъ основанія скажу, что, по мнѣнію издателя сборниковъ, статья моя о его трудахъ не пуста и интересна... А въ такомъ случаѣ за чѣмъ было г. Подову и опровергать ее въ своемъ „Отвѣтѣ“?... Забылъ, вѣроятно, издатель сборниковъ, что, упрекая другихъ въ неправильности мышленія, онъ тѣмъ самымъ обявлялся въ правильнымъ логическимъ выводамъ... Опредѣляя за тѣмъ дѣломъ моихъ замѣтокъ о сборникахъ, г. Поповъ говоритъ: „статья г. Нильскаго написана съ очевиднымъ намѣреніемъ уронить мои сборники и помѣшать ихъ успѣху, — съ явнымъ желаніемъ остановить мою литературную дѣятельность по расколу, изъ описанія, что это мудрыя изысканія въ области раскола утратить свое значеніе и ему не о чемъ будетъ помышлять. Желаніе это предательски проглядываетъ и въ вышностиона стр. 323, гдѣ г. Нильскій предусмотрительно замѣчаетъ, какъ бы для свѣдѣнія и руководства кому слѣду-

это, что подобные издания уже запрещены. Оять — своеобразная логика! По моему мнению, как, думаю, и по мнению всякого здравомыслящего человека, издание дельных раскольнических документов должно давать материал людям, „пописывающим“ о расколе; издатель сборников утверждает противное... не по тайному ли сознанию, что такие документы, какие напечатаны в его сборниках для истории старообрядчества, еще в состоянии дать никаких материалов для статей о расколе... Но не одна только своеобразная логика видна в приведенных разглаговльствиях г. Попова; в них заметно еще странное самолюбие, будто бы считаю издателя сборников своим соперником на обширном литературном деятельности по расколу. Пусть успокоится г. Попов! Его труды — не литературная деятельность, а просто издательство, дело чисто механическое, за которое я никогда не брался и не возьмусь. А потому сколько бы ни издавал он сборников, он никогда не считается моим соперником... Кроме того я очень хорошо знаю, что для исследования двухвековой жизни раскола во всей его полноте и разнообразии много нужно и времени и сил; да притом больше опытных, чем г. Попов, умеющих только собирать и печатать чужие статьи, или раскольнических рукописей „без изысканий“ даже без смысла, в них находящихся. Напрасно также г. Попов думает, будто я своими замечаниями о его сборниках хотя бы „показываю их useless“ и чрез то „оставляю литературную деятельность его по расколу.“ Очевидным опровержением подобной мысли может служить, кроме многого другого, то, что я, как сознается в этом и сам издатель сборников, ничего не

говорить о его трудах цѣлыя 14 страницъ отъ вы-
хода перваго выпуска. Въ такой не малый срокъ за-
данія г. Попова уже могли заслужить вниманіе обще-
ства, если достойны его, и мои строгія отзывы объ
нихъ не могли помѣшать ихъ дальнѣйшему успѣху.
Что же касается до замѣчанія моего о томъ, что за-
даніе раскольническихъ сочиненій въ томъ видѣ, какъ
они помѣщены въ сборникъ, т. е. безъ обстоятельной
критической оцѣнки ихъ, уже запрещено церковною
властію, то видѣть въ этомъ замѣчаніи желаніе мое
остановить литературную дѣятельность по расколу г.
Попова, какъ дѣлаетъ это редакторъ сборниковъ, зна-
читъ съ одной стороны признавать въ немъ неспособность
къ всякимъ другимъ трудамъ, по расколу, кроме дѣла-
тельства и притомъ состоящаго въ простѣйшей пере-
печаткѣ разныхъ не напечатанныхъ вещей, т. е. гру-
бой забвѣ, что статья моя явилась въ печати еще
настоящемъ году, между тѣмъ какъ означенное распо-
ряженіе власти послѣдовало еще въ прошломъ году и
разумѣется, будетъ исполняться въ точности. Тѣмъ не-
умѣстнѣе чтобы не сказать больше, видѣть въ означ-
енномъ замѣчаніи, предательскій доносъ "къ моему сто-
рону на г. Попова, какъ дѣлаетъ это редакторъ сбор-
никовъ (стр. 207). Я лично не заслужилъ такого осуж-
денія, а власть церковная и безъ законнаго
слѣдуетъ преслѣдовать нарушеніе ея постановленій,
если бы кто либо позволилъ себѣ это. Наконецъ если
люсь замѣтить г. Попову, что ноль словомъ *домашн*
какъ понимаютъ это слово люди, не имѣющіе своей
особенной логики, разумѣется, заявленія предъ властію
о совершившемся *проступленіи*; а такъ какъ редакторъ
сборника для истини старообрядчества получилъ офи-

циальное позволение — напечатать свою книгу и следовательно не совершил никакого преступления, поставши в свет свой труд, — что очевидно, что доносить на него „кому слвуешь“ и даже не мож.

Не оправдываюсь обвинением меня в неспособности к правильным логическим выводам и в мнимой способности быть донощиком, т. Попова обращается к моему литературной деятельности и по особому способу умонаклонений находит, что во первых, — человек неблагочинный, и вчинил православную брату церкви, — что, во вторых, сведения мои о расколе — ничтожны. Прежде всего — неблагочинности.

Вышеизначальною моею неблагочинности изда теле сборников говорит следующее: „гг. Нильский, профессор духовной академии, обучающий православное население истории раскола, можно сказать, поставил самою нашу церковь на грани православию заживающего права и преимуществ. Появляются новые издания, в которых собраны материалы для истории раскола, т. е. документы заблуждений и греховного падения старообрядцев, сыновей той же православной Церкви, но отделившихся от нею и более не признающих ее. Полагаю, что издавая эти далеко не обширные, что в них много неопределенностей, но во всяком случае не были ли эти издания трудом претив расколу, не видно ли в них для каждой строчки желанье видеть работу правды и смиренного сына православной Церкви? Как же должны были встретиться эти издания иборники христианской истинности. Не дозволено ли им присутствовать их в дружеском сношении, подати победоносную помощь и: возлюбленный, не?

опытный воинъ. за православіе ошибся, впалъ въ пограничность, не долженъ ли былъ опытный предводитель напутствовать его добрымъ совѣтомъ, кружелюбно указать ему, его ошибки, просвѣтить, мракъ его разума, ободрять и поощрять его, вѣдь оба за одно дѣло ратуютъ, оба стоятъ за одну общую намъ православную Церковь. Такъ ли поступилъ г. Нильснъ? — Такъ, отрубилъ я смѣло и Попофу, и поступалъ я всегда, и если только литературная дѣятельность каждаго, поборника христіанской истинѣ, въ томъ направленіи, какое указываетъ въ вышесказанныхъ словахъ редакторъ, оборонителю, можетъ и должна быть признана благонамѣренною, въ такомъ случаѣ г. Поповъ сейчасъ долженъ будетъ признать меня человекомъ благонамѣреннымъ. Не вступясь ни въ какаго разсужденія, обращаюсь, прямо къ фактамъ и имъ буду доказывать, что въ отношеніи въ новыхъ изданіяхъ, въ которыхъ печатались материалы для исторіи раскола, т. е. документы заблужденій и прѣклоннаго паденія старообрядцевъ, равно какъ и въ чужеземныхъ изданіяхъ всегда дѣйствовало такъ какъ должно, и въ отношеніи г. Попова, «каждому почитанію правды и преимуществу православной Церкви» что возмущеніе до сихъ поръ и повелеваетъ издавать сборники, въ разномъ изданіи, это первое въ кнѣзю, какъ развѣщая имъ себя, документами, заблужденій и прѣклоннаго паденія старообрядцевъ, вышло въ свѣтъ въ 1861 году. Это — описаніе, въ которыхъ, сочиненій, назначенныхъ раскольникамъ, въ пользу раскола. И вотъ, какъ мы встрѣчили это изданіе, Нильснъ, писавшій, много разсуждалъ о томъ, каково вниманіе отъ образованнаго общества въ правдѣ, отдавать себя книжкамъ Б. Не смотря на то, что у насъ нѣтъ литературы,

особенно духовной; вышло въ побѣдное время не ма-
ло обличеній, кающихся той или другой стороны
раскола; мы однако же готовы считать за самоувѣренность,
если бы кто нибудь скажалъ, что самъ знаетъ расколъ, не
знаетъ не вѣршій его обликъ, замѣтный и для не со-
всѣмъ наблюдательнаго глаза; а ту внутреннюю жизнь
раскола, которая способна ускользнуть отъ самаго про-
ницательнаго наблюдателя, т. е. нравы и обычаи рас-
кольниковъ, ихъ взглядъ на современное положеніе ве-
щей; ихъ отношеніе къ правительству и Церкви, —
принципы, которыми движется эта огромная машина,
принципы, во имя которыхъ совершаются въ расколѣ
иногда самыя поразительныя для сторонняго человѣка
вещи, причины, по которымъ расколъ такъ устойчивъ
въ своемъ statu quo...; страданіе и горе раскольниковъ,
ихъ радости и надежды, симпатіи и антипатіи, вѣрованія
и убѣжденія) — однимъ словомъ, тотъ заповѣднѣйшій міръ,
въ которомъ вотъ уже два столѣтія живетъ расколъ
не только вдали отъ образованнаго и движущагося впе-
редъ общества, но и въ противорѣчіи его началамъ.
А между тѣмъ, не зналъ всего этого; можно ли оты-
скать специфически полезный пластырь для исцеленія
этого больного организма?!. Книга Г. Б., по своему
предмету и задачѣ, представляетъ первую попытку —
познакомить общество съ расколомъ, какъ онъ есть
самъ въ себѣ. Она заключаетъ въ себѣ библиографиче-
скій разборъ обличеній, писанныхъ раскольниками въ
пользу раскола. Есть нужды доказывать, что узнать
духъ и сущность раскола во всей полнотѣ и обстоя-
тельности, изучить его, такъ сказать, въ самомъ осно-
ваніи, проникнуть въ самую глубину старообрядства,
можно не иначе, какъ чрезъ тщательное изученіе са-

мысли его истинность, т. е. нечуждой, удивительной
иногда раскольниками. Вот почему мы с полным
сочувствием приветствуем трудъ г. Б., хотя она
значитъ для нас только съ „нѣкоторыми разноглаго-
лыми сужденіями“. Первый шагъ сдѣланъ; быть мо-
жетъ, найдутся люди, которые въ состоянии будутъ
продолжать начатое, и расколъ рано или поздно пред-
станетъ предъ нами безъ таинственного покрывала,
подъ которымъ онъ пряталъ доселѣ“ (1). Указавъ за-
тѣмъ замѣченные мною недостатки въ книгѣ г. Б., я
писалъ, что дѣлалъ это, имѣя въ виду одно: „попра-
вить допущенныя въ ней неточности и пополнить не-
доказанное не въ ущербъ достоинствамъ труда г. Б.,
а единственно для пользы науки“ (2). Сказавъ неко-
нечто о достоинствахъ книги, я въ заключеніе обра-
тился къ издателю, ея — г. Кожанникову, и отдалъ спра-
ведливую дань похвалы его предпріятію (3). А послѣ
всего этого, я думаю, нѣтъ нужды доказывать въ Це-
цову, что первое изданіе, въ которомъ были собраны
„документы заблужденій и грѣховнаго паденія старооб-
рядцевъ“, я встрѣтилъ именно такъ, какъ, по его сло-
вамъ, долженъ встрѣтить подобныя изданія „поборники
христіанской истины“, — „привѣтствовать его друже-
любивымъ словамъ“, даже и отдалъ издателю руку по-
мощи, дружески указавъ ему ошибки, ободривъ и
подпріятъ его“. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Въ томъ же 1861 году въ слѣдствіе „Описанія“,
г. Кожанниковъ издалъ нѣсколько другихъ сочиненій

(1) Христ. Чт. 1861 г. ч. I, стр. 463—5.

(2) Тамъ же стр. 518.

(3) Тамъ же стр. 514.

раскольнических: „Житіе протоіона Аввакума“, „Исторія Вятковской пустыни“ и др. Ниша въ 1862 году за-
мѣтил по поводу этихъ изданій, а вотъ что, между
прочимъ, говоритъ: „нельзя не порадоваться такому
явленію и не поблагодарить отъ души издателя за его
умѣнье угадывать потребности общества. Расколь-
ное явленіе, въ послѣднее время обратилъ на себя серьез-
ное вниманіе всѣхъ образованныхъ людей, — а между
тѣмъ ничто такъ не помогаетъ изученію этого замѣча-
тельнаго явленія, какъ знакомство съ самыми произве-
деніями раскольнической литературы. Само собою ра-
зумеется, что всѣ исчисленные выше сочиненія суть
не болѣе, какъ материалы, надъ обработкой которыхъ
еще нужно много трудиться, чтобы достигнуть желае-
мыхъ результатовъ. Но трудъ не можетъ устрашать
человѣка серьезнаго, лишь-бы только было надъ чѣмъ
трудиться съ пользою и успѣхомъ“ (1). Надѣюсь, и въ
этомъ отзывѣ моемъ объ изданіяхъ, въ которыхъ пред-
лагались вниманію общества „документы заблужденій
и грѣховнаго паденія старообрядцевъ“, я не погрѣшилъ
противъ условій, которыхъ требуетъ г. Поповъ отъ
„сборника христіанской истины“, выходящаго въ подоб-
ныхъ изданіяхъ. А послѣ этого читатели въ правѣ
спросить, что же значать вышеприведенныя разглашыва-
нія издателя сборниковъ и какъ вѣдутся они съ мыс-
лію г. Попова о моей неблагонамѣренности, даже не-
православіи? Послушайте, многоуважаемые читатели,
что говоритъ издатель сборниковъ далѣе, и вы поймете,
въ чемъ дѣло. По поводу отъ и . . .
„Послѣ вопроса: „какъ-ли поступилъ г. Нильскій?“

(1) Хр. Чт. 1862 г. ч. II, стр. 65—6.

г. Поповъ продолжаетъ: промотавъ 14 месяцевъ отъ выхода первого выпуска нашего сборника, онъ вдругъ ополчился не противъ враждебной партіи, а противъ своего собственнаго союзника, противъ сподвижника своего на ратномъ полѣ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что бросать грязью въ его изданія, но даже въ гнѣвомъ раздраженіи противъ благонамѣренной дѣятельности своего союзника пытался остановить его на предпринятомъ пути предательскимъ доносомъ. Теперь читатели, вѣроятно, понимаютъ, почему я, по мнѣнію издателя сборниковъ, — неблагонамѣренный, даже неправославный человекъ. Во-первыхъ, г. Поповъ по своему издательству, — мой сподвижникъ на ратномъ полѣ противъ раскола; слѣдовательно, назвавъ его изданія нигуда не годными, я, по мысли издателя сборниковъ, принялъ сторону раскола, и слѣдовательно дѣлаю — сбѣдася въ некоторомъ смыслѣ врагомъ Церкви, измѣнникомъ православію, во имя котораго г. Поповъ и издалъ свои книжки. Во-вторыхъ, — издательскую дѣятельность свою г. Поповъ считаетъ благонамѣренною; слѣдовательно я, назвавъ эту дѣятельность ничтою и ни на что негодною, — человекъ неблагонамѣренный. Читатели улыбаются, читая эти строки, и не насправедливо. По умозаключеніямъ издателя сборниковъ выходитъ, что всякій, кто обличаетъ своего товарища по профессіи въ худомъ веденіи дѣлъ, — человекъ неблагонамѣренный. Понимаетъ ли г. Поповъ, что благонамѣренность, какую онъ проповѣдуетъ, хуже всякой неблагонамѣренности, и что именно благодаря такому порядку вещей, какого желалъ бы издатель сборниковъ, у насъ въ былыя времена безнаказанно совершались въ разныхъ корпораціяхъ самыя возмутительныя вещи...

А между тѣмъ, на основаніи такихъ странностей, явилось
дося и такого удиваго пониманія: благонамѣренности
г. Попова меня обязываетъ въ благонамѣренности и
даже въ способности къ предательскимъ подлостямъ, сво-
де всё свои обвиненія на той знаменитой мысли, будто-бы
я возсталъ противъ издателя сборниковъ — потому, что
вижу въ немъ себя соперника... Пусть уснохотелъ
Поповъ! Мои сочувственные отзывы объ изданіяхъ раско-
льническихъ сочиненій г. Козлячкова, если-бы г.
Поповъ зналъ ихъ или обратилъ на нихъ вниманіе,
должны-бы были убѣдить его, что издателей подобнаго
рода я не только не считаю своими соперниками на
поприщѣ литературной дѣятельности, а напротивъ ра-
дуюсь ихъ трудамъ, какъ материаламъ, которые могутъ
быть, „подписывающимъ“ е раскодъ, доставить обяза-
ный предметъ для статей всякаго рода, историческихъ
и полемическихъ, — что я усмѣю уважать „своихъ со-
перниковъ на равномъ полѣ“, если только они дѣла-
ютъ дѣло надлежащимъ образомъ. А потому, если объ
изданіяхъ г. Попова я произнесъ неостатный притворъ,
называя ихъ не только шуутыми, но даже вредными
движеніями, — это произошло не отъ того, что я, какъ
ему, почувствовалъ, „перестать быть благонамѣреннымъ
человѣкомъ и, забывъ свои обязанности въ отношеніи
къ своимъ „соиздателямъ“, сталъ видѣть въ нихъ сопер-
никовъ себя, — а по другимъ причинамъ, которые сей-
часъ я укажу...
И еще въ 1861 году, когда вышло въ свѣтъ первое
изданіе раскольниковскихъ сочиненій, въ присутствіи
оного съ должнымъ сочувствіемъ, какъ и вѣдѣть полезную
для науки, — выразилъ въ то же время сожалѣніе, что бы
подобнаго рода изданія не послужили во вредъ право-

славной жизни. Признаюсь, оскрѣженно, я очень риско-
вать, высказывая такое сужденіе. Вѣду, кому взгляды
на предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, у большинства
были совершенно другой. Думали и печатали даже
что общарцованіе письменности раскольнической полез-
но не только для науки, но и для жизни; что оно мо-
жетъ служить лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы
православная южная восторженность надъ расколомъ,
что день обнаруженія произведеній раскольничьей ли-
тературы и объясненія ихъ — будетъ днемъ побѣды ра-
зума и науки надъ темными суевѣрїями. Само собой
понятно, что при такомъ взглядѣ большинства на это
чужіе печатанья раскольническихъ сочиненій въ дѣ-
лѣ обращенія заблуждающихся на путь истины — выска-
завъ мысль, что изданіе раскольничьей письменности
въ свѣтъ можетъ быть вредно для православія, значаю
подвергаться опасности попасть въ число рутинеровъ,
ретроградовъ и проч. Дарова правдой болше всего,
я, выходяще изъ интересовъ православія, не устращаю
указанной опасности и печатно заявилъ свое сужденіе,
якобы обнаруженіе раскольническихъ сочиненій не
ислужило во вредъ святой Церкви. Опасеніе свое я
основываю на томъ соображеніи, что такъ какъ боль-
шинство раскольниковъ, въ слѣдствіе своего невѣжества,
держится своихъ мѣлкихъ по слѣпому доврїю къ на-
ставникамъ, а наставники разнородныя имѣютъ свои
причины заботиться о томъ, чтобы число ихъ учени-
ковъ не убавлялось, неумышленно, напротивъ болше и
болше увеличиваюсь, то не удивительно, если изданіе
раскольническихъ сочиненій послужитъ для вѣчетниковъ
средствомъ къ болшему распространенію раскола. По-
чужу добруа цель подобныхъ изданій они не имѣютъ со-

стояніи, да, можетъ быть, не закончить, а между тѣмъ въникли они, найдутъ всѣ тѣ мысли, въ которыхъ стараются утвердить своихъ слушателей. Печать, обязательная силе которой для простонародья известна каждому, пріадаетъ аоблужденію еще болѣе широтности, а открытое распространеніе раскольничьей письменности посредствомъ печати, находящейся въ зависимости отъ цензуры духовной и свѣтской, можетъ подать мысли, что вѣрно сама власть духовная и свѣтская, наконецъ, поняла, что произведенія раскольничьей литературы не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ правды. Но—чтобы не подумалъ кто либо, что я возражаю противъ самаго изданія въ свѣтъ раскольничьей письменности, я замѣчу, что выдавать въ свѣтъ сочиненія въ родѣ „Описанія“ нужно, только вмѣстѣ съ этимъ должна усиливаться дѣятельность въ пользу православія во стороны тѣхъ, на комъ лежитъ этотъ священный долгъ, и притомъ дѣятельность не столько кабинетная, письменная, теоретическая, сколько устная, живая, болѣе—дѣйствительная (1).

Въ скоромъ времени послѣ того, какъ я заявилъ печатно свое опасеніе, мнѣ удалось убѣдиться на дѣлѣ, что изданіе раскольничьескихъ сочиненій дѣйствительно можетъ быть вредно для православія. А потому, пина въ 1862 г. замѣтилъ на поводу послѣднихъ изданій г. Канарчикова, я уже печатно заявилъ тѣ соображенія, на которыхъ основывалъ свое опасеніе, а вмѣстѣ усиливалъ и вредъ, какой пренесодить по спискамъ отъ этихъ изданій. Но, понимая, какъ важно для науки обнаруженіе раскольничьей письменности, я опять—таки не

(1) Хр. Чт. 1861 г. ч. I, стр. 486.

только не свозать ни слова о запрещеніи подобнаго рода изданій, напротивъ прямо и положительно доказывала ихъ пользу; только сознавая, что зло, происходящее отъ нихъ для православія, зависитъ главнымъ образомъ отъ необразованности низшихъ классовъ нашего общества; въ которыхъ по преимуществу гнѣдятся расколъ, я говорила, что для ослабленія вреда, никакой можетъ быть отъ обнаруженія раскольническихъ сочиненій для жизни, необходимо съ одной стороны уклонить мѣры къ распространенію въ народѣ образования и особенно религіознаго, — съ другой — изданіе раскольнической письменности вести на началахъ болѣе разумныхъ, при чемъ указывала и самыя начала, которыми, по моему мнѣнію, слѣдовало бы руководствоваться при изданіи памятникъ раскольничьей литературы (1)...

Всякій, надѣюсь, согласится, кромѣ разве г. Попова, что требун извѣстныхъ ограниченій для изданія раскольническихъ сочиненій, во избежаніе вреда отъ нихъ для православія, я дѣйствовала сколько въ интересахъ науки, столько же и еще болѣе — въ интересахъ православной церкви...

На могу сказать, по какимъ причинамъ, только послѣ моихъ замѣтокъ по поводу изданій г. Комарникова (въ 1862 г.), въ теченіе двухъ лѣтъ новыхъ изданій сочиненій раскольническихъ болѣе не явилось въ свѣтъ. Какъ человекъ, обязанный заниматься наукою, равнодушно я не могъ не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ материалъ для себя; но, какъ сынъ православной церкви, признаюсь откровенно, я даже готовъ былъ радоваться, что страсть къ обнаруженію документовъ расколъ

(1) Хр. чт. 1862 г. ч. 11., стр. 71—94.

мечту: **г. Попова**: это издатель, сборник: общепризнан-
на въ неблагонамѣренности, въ несправедлив, въ не-
дѣли: остановить его издательскую дѣятельность; **г. По-**
въ способности быть издательскимъ доносчикомъ; **г. По-**
буду, являясь, что малѣе раскольнически-сочиненій
въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ сборникѣ для старо-
рѣ старообрядчества, запрещена на будущае время дар-
ковною властью, я съезду направили: **г. Попова**: быть не-
добного заглавія съ моей стороны, кто либо позволенъ
былъ. **г. Попова** продолжать свои изданія не въ томъ видѣ,
какъ этого требуетъ церковная власть: **г. Попова** мнѣ.

г. Попова: время вреда для православія, я узнала о сурт
изданія **г. Попова** и другой издатель, именно то
крайнюю издательскую сборникъ по содержанию, он издатель
нужно издатель: **г. Попова** издательской издательской;
я издатель: **г. Попова** издательской, которая издатель: **г. По-**
благонамѣренности **г. Попова** связаны съ моими соби-
свѣтлымъ издательствомъ: **г. Попова** издательской: **г. По-**

г. Попова: издательской не съезду, **г. По-**
жалею, **г. Попова**: издательской, **г. По-**
замѣтка объ издательской **г. По-**
издательской: **г. Попова**: издательской, **г. По-**
напечатанныхъ имъ въ сборникѣ *изъ исторіи старо-*
обрядства, „чрезвычайно интересны“ (стр. 217), а мно-
гіе **г. Попова**: издательской, **г. По-**
въ сборникѣ *для исторіи старообрядчества*, „весьма по-
лезны для исторіи раскола“ (стр. 222). Не спорю: **г. По-**
можеть, найдутся люди, которые согласятся съ издатель-
г. Попова: издательской, **г. По-**
деки, **г. Попова**: издательской, **г. По-**
следа, **г. Попова**: издательской, **г. По-**
въ сборникѣ *изъ исторіи старообрядчества*, въ которомъ

перепечатаны давно известными всеми; занимающиеся расколом, отдают эти разные журналы, а равно и другие книги, также давно существующие в печати и живящие в руках у всякого специалиста; нашла для себя что-либо интересное (1). Что же насаму сь собирающая история старообрядчества; то есть что между прочим сказано об нем в *Православном Энциклопедическом Словаре*, и в *Словаре* Мотораго, как бы будет видно ниже; г. Поповъ вретъ, въ предисловии г. издателя записавъ, что „случайно старыми доставили ему *неисчерпаемый источник материалов для изучения раскола*. Изятели же любопытство вполне возбуждаются въ высшей степени. Но вотъ вышли уже два новых сборника (наши девятью разъ идетъ и по сборникамъ изъ истории старообрядства); и в особенности *важные материалы*, которыхъ раньше бы *не было* (курсивъ въ подлиннике); и не изъбитны были раньше *специальными*, именно полагавшимися год. Лучше было бы (это не въ интересъ и прочемъ протодиаку), если бы мы получили читателямъ *ожиданиямъ ослепительных материаловъ въ следующемъ, и следующие годамъ издании* (Энциклопедическому журналу и доступны везири вейаво или неблагонамеренно; тогда, и изъ специалистов

— о с е б я м о н о м т е м а н а м н н в с т р е н е н
 — о н к а . (1 7 1 9) „ а н а м н о р у о н и а н а м н о р о
 (2) Г. Поповъ говоритъ, что история Павла Васильева, изъ которой
 найдены эти материалы, была доставлена ему изъ Москвы, и именно
 въ Россіи, и что по крайней мере въ Тульцахъ, и въ Роговскомъ
 на Преображенскомъ кладбищахъ, а существуетъ только по рукамъ
 у старообрядцевъ и распространяема (стр. 214) и потому все изъ
 ослепительныхъ историй въ Тульцахъ и в Роговскомъ, и в
 дательныхъ сборниковъ, и такъ, но знаю, что въ Россіи она существу-
 етъ, есть и у меня подъ руками, — даже два экземпляра. Я не виноватъ
 что чинилъ ошибку, и не виноватъ, что не доставилъ ее, и не виноватъ,
 г. Давыдъ, и не виноватъ, что не доставилъ ее, и не виноватъ,
 ховой академіи, обучающаго православное юношество истории раскола.“
 (1) Препр. Общпр. 1884 г. Девпр. Общпр. 1884 г. 186 — 7.

призналъ напечатанные въ сборникѣ для исторіи старообрядчества документы не важными для исторіи раскола, а многіе даже пустыми?

Правда, въ своемъ „Отвѣтъ“ г. Поповъ доказываетъ, что за исключеніемъ „протовера Феодосія Васильева въ 1694 г. іюня 3-го дня, да Ивана Кавомосоваго помѣшченнаго ордена“ (№ 1) и „стихиры надгробной, на револондрий на врюковія ноты“ (№ XVII), — все остальные документы, напечатанные въ сборникѣ, „весьма полезны для исторіи раскола“ (стр. 222—3). Но вѣдь кто же себя врагъ, кто станетъ худить свой собственный трудъ? Въ предисловіи къ сборнику г. Поповъ называетъ напечатанные имъ документы не только полезными для исторіи раскола, но даже кладомъ; и однако же эта похвальба, показанная самымъ лучшимъ образомъ незнаніе г. Поповымъ дѣла, за которое она взята, и обличившая въ изданіи его сборниковъ торговля дѣла, не препятствовала, подымъ, знающимъ дѣло, произнести о трудѣ г. Попова справедливый, хотя и не лестный для его самолюбія приговоръ. Притомъ, чѣмъ доказываетъ издатель сборниковъ пользу для исторіи раскола напечатанныхъ имъ раскольническихъ документовъ? тѣмъ, что *они прежде нигдѣ не были напечатаны!* Какъ бы предвидя подобную выходку г. Попова, соответственно же потому, что въ сборникѣ напечатано много ничтожныхъ документовъ, г. Векшинскій писалъ въ томъ же *Православномъ Обзорникѣ*: „если принять за норму печатать все, что только есть рукописнаго между раскольниками, тогда означается нужнымъ затѣять изданіе— по числу томовъ, но не достоинству матеріаловъ,—не меньшее „Россійской Вивлюэки.“ (1)

(1) Прав. Обзор. 1864 г. декабр. библиогр. стр. 166—7.

Жаль, что г. Поповъ или не прочиталъ статьи г. Веклицкаго, или не обратилъ на нее должнаго вниманія. Въ такомъ случаѣ много и много онъ не занимался бы въ своемъ „Отвѣтъ“ на мою статью.

Такии образы и за то, что я назвалъ сборники г. Пешова ничтожными по содержанию, быть несправедливо гнѣвается на меня. И проаноса такой притворы, я не только не погрѣшилъ противъ своего общественнаго положенія (профессорскаго), напротивъ, смѣло думать, оказавъ не недостойнымъ его и, кажется, поступивъ не неблагонравно. Теперь посмотримъ, правду ли я сказала, что изданія г. Пешова — спекуляція.

Въ этомъ случаѣ я считаю лишнимъ повторять эти данія, на основаніи которыхъ произнесъ такой притворы о трудахъ издателя сборниковъ; читатели *Христіанскаго Чтенія* знаютъ эти данія, — читатели *Душъ Христіанита* могутъ узнать объ нихъ изъ моихъ замѣтокъ въ мартовской книжкѣ *Христ. Чт.* за настоящій годъ. А потому, не повторяя сказаннаго прежде, обращаюсь прямо къ тѣмъ соображеніямъ, которыми г. Поповъ старается опровергнуть мое мнѣніе о его изданіяхъ, какъ о спекуляціи.

„Спекуляціей въ литературѣ по расколу, говоритъ онъ, приемыли мы называть изданія, которыя охотно раскупаются старообрядцами. Такъ понимаетъ это и самъ г. Нилскій, какъ видно изъ его статьи (1). Въ доказательство, что я не рассчитывалъ на огромный сбытъ моихъ сборниковъ старообрядцамъ, я указу на ничтожное, по видимому, обстоятельство, но которое по-

(1) Въ замѣткахъ моихъ высказанъ болѣе широкій взглядъ на спекуляцію въ литературѣ по расколу.

жить служить неоспоримымъ доводомъ справедливости моихъ словъ. Въ каждой напечатанной мною раскольнической рукописи я дѣлалъ примѣчанія: все не въ духѣ старообрядческихъ доктринъ (еще бы!), а съ такими примѣчаніями никакая рукопись въ глазахъ раскольниковъ цѣны имѣть не можетъ“ (стр. 214). Во первыхъ изъ этихъ словъ видно, что г. Поповъ не считывалъ только на *аромный* сбытъ своихъ сборниковъ старообрядцевъ; следовательно на ушербный, даже на большій сбытъ считывалъ. Во вторыхъ — обобщая слово, указанное издателемъ сборниковъ, никакъ не можете служить неоспоримымъ доводомъ того, что онъ хочетъ подтвердить истъ. Это — потому, что примѣчаній въ большей части напечатанныхъ въ сборникѣ раскольничьихъ сочиненій нѣтъ никакихъ, да и тѣ, которыя есть, не имѣютъ значенія опроверженій того, что содержится въ документахъ. Следовательно... Если же г. Поповъ подъ примѣчаніями разуметь свои предисловія (стр. 219), то и они не въ состояніи удержать раскольниковъ отъ покупки сборника, такъ какъ въ предисловіяхъ этихъ излагаются авторомъ только историческія свѣдѣнія о тѣхъ сектахъ, къ которымъ относятся документы, напечатанные въ сборникѣ (см. предисл. сборн. стр. VII), а эти свѣдѣнія известны самимъ раскольникамъ лучше, чѣмъ г. Попову, и не противны имъ. А наконецъ, какъ показавъ опытъ, раскольники охотно покупаютъ изданія ихъ сочиненій не только съ примѣчаніями „не въ духѣ старообрядческихъ доктринъ,“ а даже съ положительнымъ опроверженіемъ ложныхъ свѣдѣній, въ нихъ находящихся. Такъ напр. въ «Описаніи», изданномъ г. Кожаннищевымъ, почти къ каждому раскольничьему сочиненію прибавлены авторомъ замѣтки, въ которыхъ

онъ показываетъ то ложность историческихъ свидѣній, находящихся въ напечатанныхъ документахъ, то несостоятельность основанийъ догматическаго ученія, въ нихъ заключающагося, и однако же «Описаніе»; какъ известно изъ официальныхъ источниковъ, „весьма быстро“ распуцалось раскольниками:

„И даже помѣщая ихъ междуособную полемику, продолжаетъ защищать себя г. Поповъ, гдѣ одно согласіе опровергало вѣрованія другаго съ ожесточеніемъ, не встречающимся въ полемикѣ православныхъ; я сдѣлалъ это, твердо зная, что старообрядцы болѣе всего боются возраженій старообрядцевъ же, и никогда не признаютъ такого значенія статьямъ православныхъ писателей, какое признаютъ за статьями своихъ единовѣрцевъ. Въ этомъ явно пошелъ я противъ той спекуляціи, въ которой меня обвиняешь г. Нильскій“ (стр. 315). Изъ этихъ словъ издателя сборниковъ я вывожу совершенно другое заключеніе, именно, — что сборники *для исторіи* старообрядчества *могутъ* раскупаться не одной какой либо сектой раскола, т. е. поповщиной или безпоповщиной, а *объими*, такъ какъ напечатанные въ немъ документы по частямъ касаются той и другой; что далѣе изъ безпоповцевъ сборники имѣютъ интересъ не для одного только толпа, напр. едосѣвскаго, но и для другихъ, напр. для новоженовъ и проч.; равно и изъ поповцевъ какъ принимающіе „перемазываніе“, такъ и не принимающіе его, найдутъ въ сборникѣ не мало полезныхъ для себя документовъ. А потому на помѣщеніе г. Поповымъ въ сборникѣ раскольническихъ сочиненій разныхъ сентъ и толковъ можно смотрѣть, какъ на ловкое средство — сдѣлать сборникъ интереснымъ для большинства раскольниковъ. Что же касается полемики,

находящейся въ сборникѣ, то и она не попрепитству-
еть раскольникамъ покупать его. Въ изъ раскольниковъ,
которыхъ по преимуществу полемика защищаетъ, мо-
гутъ покупать сборникъ г. Попова, какъ особенно де-
рогой для нихъ, а тѣ, которыхъ полемика поражаетъ,
будутъ скупать трудъ издателя для того, чтобы унич-
тожить ненавистную имъ книгу. А г. Поповъ самъ
знаетъ, что за раскольниками водятся подобныя грѣхи,
очень впрочемъ полезныя некоторымъ издателямъ (1).

„Кроме того, пишетъ далѣе г. Поповъ, въ двухъ кни-
гахъ моего «сборника» нѣтъ ни одной статьи, которая
могла бы быть исключительно полезна однимъ расколь-
никамъ, не представляя собою материала, полезнаго для
исторіи раскола.“ Это значитъ только, что г. Поповъ,
какъ я и говорилъ въ своихъ замѣткахъ, издавая свои
книжки, шилъ въ виду не одни карманы раскольниковъ,
но и рубли привославныхъ, надѣлавъ первыхъ хотя и
пустыми въ существѣ дѣла, но интересными для нихъ
сочиненіями ихъ, и давъ послѣднимъ книжки ни на что
не годныя. Это уже, такъ сказать, двойная спекуляція.

Наконецъ издатель сборниковъ защищаетъ себя тако-
го рода фактомъ: „ссылаюсь; говоритъ онъ, на чобѣтъ
книгопродавцевъ, имѣющихъ для продажи мой „сбор-
никъ;“ они могутъ засвидѣтельствовать, что изъ двѣдцати
проданныхъ экземпляровъ, 19 покупаютъ право-

(1) Такъ напр. г. Поповъ въ объясненіе того, зачемъ былъ переисча-
таныкъ съборникъ „тебѣтъ о раскольникахъ“ Клеона Арсени-
ковича, напечатанную еще въ 1848 году, говоритъ, что сдѣлать это не-
тому, что сочиненіе Будискаго епископа скуплено раскольниками на
солнцѣ и теперь составляетъ радость (стр. 216). Не для того ли
„повѣсть“ и помѣщена въ сборникъ, чтобы дать раскольникамъ случай
снова съезд ненавистную имъ книгу Авсалаковича, резюмируетъ, вѣдѣтъ
съ сборникомъ?...

сказано (что, между нами были сказано, и даже коро-
ше известию г. Нилский). "И за тѣмъ: въ примѣчаніи
п. Пономъ говоритъ, что „самая большая часть сборни-
ковъ издаване, прелаславыми духовоуствомъ.“ Несна
угарно г. Никола, что я не знаю, это погубоу
это сборники. Думаю, что и книгопреласны не могутъ
знать этого. Мы дивимъ не во времена Петра Великаго,
дока расказывали носили такое платье, что ихъ можно
было съ перваго взгляда отличать отъ православныхъ...
Что же касается до заявления издателя сборниковъ о
томъ, что самая большая часть его изданій *смыслами*
православнымъ духовоуствомъ, то оно говоритъ только
о томъ, что большинство раскольниковъ не охотно
пользуется способами сообщенія, придуманными въ на-
сѣднее «антихристово» время, наприм. поучей, а боль-
ше любитъ вести дела свои — гунить и нигу и под. чрезъ
«ошарию», напр., на нижегородской ярмаркѣ и под.
давъ это и видимъ мы на изданіяхъ г. Кожанникова,
потеряя, по оффициальному заявленію, раскупольны въ
1862 году на нижегородской ярмаркѣ до того быстро,
что даже полиція сочла необходимымъ обратить свое
вниманіе на это обстоятельство (1). Притомъ, если боль-
шая часть *смыслами* чрезъ поучу сборниковъ идетъ
въ руки православныхъ священниковъ, это обстоятель-
ство ни мало не гоноритъ о достоинствахъ самихъ сбор-
никовъ, а указываетъ только на усилившееся въ по-
сѣднее время въ духовенствѣ желаніе — обстоятельно
изучать расколъ, чтобы успѣшнѣе действовать на него.
Выписывая сборники, священники, конечно, не знаютъ,
что оный изъ видъ состоитъ изъ перепечатки праже

(1) Страны, 1864 г. сент. отд. IV. стр. 116.

напечатанных, а в равномъ журнале и очевидно бра-
нира в статей, и притомъ переиздали часть безосно-
вданной, а другой — содержать въ себя вырванный материалъ,
который, по словамъ г. Весникова, будетъ для меня
„дѣломъ темнымъ и непроходимымъ глумльемъ“. Не чужда
Полеву, что онъ добрымъ желаніемъ правосуднаго ду-
шеавношенія — именуя расколъ непомыслимымъ для славянъ
выгодъ: да въ рубль, опущенныя, которые для меня
крайне дороги, направляетъ ихъ тѣмъ же, или мо-
рять, по моему тому же г. Весникова, „свѣщен-
нику въ бытность въ помощникомъ не сдѣлать ни-
какого употребленія“ (1) Въ томъ-то и состоитъ глав-
ная ошибка: спекуляция г. Попова, что онъ, имея ра-
положенія обществу въ научномъ расколѣ, не забоб-
тился ладомъ малю: либо дѣловые материалы для ис-
рѣдъ раскола, если у него действительно есть автор-
ская истинность, или, да пустить въ ходъ сборники,
составленные изъ самыхъ пустыхъ вещей, — въ той,
вѣроятно, мысли, что, при большомъ спросѣ на книги
орасколѣ, разойдутся и придедутъ издателю пользу и зна-
чительны, безпольныя книги.

Таковыя обвиненія въ *доломъ*, которыми г. Поповъ въ
„Доломъ“ на меня замѣтилъ защищаетъ себя въ обвине-
ніи въ спекуляцію, — и крайне жестоко и въ спорѣ
перевратъ *проблемъ* извои. А послѣ этого я и въ мое
право сказать, что названъ въ основаніи дѣлакъ,
указанныхъ въ замѣткахъ, труды издателя сборниковъ
не только пустыи и вредныя, но даже спекуляціей,
я всунули въ мою правую въ правой и вынуждены
непрѣменно противъ своего общеславянскаго помысла;
а между тѣмъ г. Поповъ за это обвиняетъ меня въ не-

(1) Ира. Обзоръ 1894 г. дек. стр. 103.

благонамбренности. На сколько справедливъ въ этомъ случаѣ издатель сборника, объ этомъ предоставлю судить самимъ читателямъ, и я продолжу рѣчь о дальнѣйшихъ соображеніяхъ г. Попова, который днѣ старается доказать мою неблагонамбренность.

Пресмысленный мыслю, будто я написалъ не добрый отзывъ о сборникѣ и въ снѣдѣи воспользоваться въ издательствѣ какъ содѣржника себѣ, г. Поповъ спрашиваетъ: где пѣвшаля ии и ему (т. е. мнѣ) работать на этомъ предприятии; не ослабляя ли я жѣнни сборника то важнѣе ии православное общество и на ересь; которое приобрѣлъ г. профессоръ духовной академіи своими свѣдѣнннми взглядами на расколъ, своими поучительными выводами о заблужденіяхъ малой ереси, своими указаіиіи на тѣ средства, которыми слѣдуетъ воспользоваться, чтобы возвратить заблужденныхъ въ лоно икѣ матери — Православной церкви? И въ отвѣтъ на этотъ нромѣе-скій вопросъ говорить: „увы, г. Никольскій ижегто: подобнаго не писалъ противъ раскола, въ защиту православія“, следовательно, подрацувѣвается дядѣ, ека не вѣкъ неблагонамбренный, сторонникъ раскола, врагъ церкви. Въ книжкѣ на все очѣмъ тонко обмывалѣ и емаку: есаи: бы (т. Поповъ итадуиивалѣ въ ебевѣ „Отвѣтъ“ (ка жоей) иеиѣ: ебѣ: димидиіиіи, еромѣи: ии: емаиіиіиіи, и аще иеги: бы: обьясннѣ: себѣ, на гадомѣ: еснованиіи издатель: сборника: говорить: „будто (и ии: лее: не писалъ: противъ: раскола, въ: защиту: правосла: діи“. Тогда видно было бы дѣцкѣ, ижегто г. Поповъ не читалъ моихъ статей за нынѣшнихъ, „нынѣ и есе: ии: емаиіиіи (1); и на основаниіи своего: иеиѣдѣннн: обви:

(1) Напр. о незаконности такъ называемаго Австрійскаго священства (Хр. Чт. 1860 г. ян.), о священствѣ противъ беззаконствъ (Хр. Чт.

неть меня въ неблагонамѣренности. Но какъ понять вышеприведенныя слова издателя сборниковъ, не только знающаго о существованіи указанной моей книги, но и удостоившаго ее своимъ замѣчаніемъ? Отвѣта на этотъ вопросъ я не могу придумать, не допустивъ предположенія, общаго для г. Попова. Правда, издатель сборниковъ находитъ въ моей книгѣ: „объ антикритикѣ противъ раскольничьихъ множество недостоинствъ; но вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была писана противъ православія и въ защиту раскола...“

„Вся своя духовныя силы, продолжая г. Поповъ рѣчь свою, обвиняя меня въ неблагонамѣренности, все свои знанія по части раскола напрягалъ онъ болѣею частію противъ новыхъ дѣятелей на этомъ тернистомъ пути; — не сдѣлавъ самъ ничего полезнаго, онъ возсталъ противъ тѣхъ, которые начали что нибудь сдѣлать.“ Прежде всего — въ приведенныхъ словахъ издатель сборниковъ несправедливо употребилъ выраженіе: *болѣею частію*. Я знаю свои литературныя труды, нарочито пересмотрѣвъ ихъ по поводу вводимыхъ на меня г. Поповымъ обвиненій и нашедъ, что критическія и библиографическія мои замѣтки составляютъ незначительную часть того, что вообще написано мною по расколу. Читатели *Христианскаго Ученія*, въ которомъ я помѣщала большую часть своихъ статей, надѣюсь, признаютъ справедливость моихъ словъ, и г. Попову мнѣ остается только поблагодарить — тщательнѣе изучать на будущее время труды тѣхъ людей, о литературной дѣятельности которыхъ слышалъ я въ первый разъ. (Хр. Чт. 1863 г. авг.)

ему вдумается, почему, либо, лишить. Даже: откровенно говоря, я плохо понимаю, какъ, какъ привлекательны оны издатели, сборники въ видѣ моя неблагонамѣренности. Если г. Поповъ, видя, мою неблагонамѣренность въ томъ, что я пишу иногда критическія и библиографическія статьи; въ томъ, слышавъ неблагонамѣренныхъ людей, много въ нашей литературѣ и отъ подобной неблагонамѣренности я не отказываюсь, и на будущее время... Если же, обвиняя меня въ неблагонамѣренности, издатель сборниковъ хотѣлъ высказать вышеприведенными словами ту мысль, что всѣ мои критическія и библиографическія замѣтки придутся съ тою цѣлю, чтобы остановить другихъ дѣятелей по расколу на избранномъ ими пути и такимъ образомъ — лишить науку и общество той пользы, какую они могли бы оказать имъ своими трудами; въ такомъ случаѣ г. Попову слѣдовало бы, подтвердить свою мысль фактами, а не выказывать ее голословно, а мнѣ остается только замѣтить, что никакая самая строгая критика не можетъ остановить честнаго, преданнаго своему дѣлу, писателя отъ избраннаго имъ пути для дѣятельности. Только невежество и бездарность могутъ ментать, что труды ихъ безукоризненно совершенны, и обижаются, если другіе находятъ въ нихъ недостатки; а писатель умный и образованный не только не смущается дальними замѣчаниями критики, напротивъ желаетъ ихъ, чтобы узнать свои недостатки, болѣе замѣтные для сторонняго глаза, и на будущее время избѣгать ихъ. Издателю сборниковъ, вѣроятно, и въ голову не приходила та общезвѣстная истина, что критика не только не составляетъ препятствія литературной дѣятельности, а напротивъ служить самымъ главнымъ средствомъ къ развитію и

ни самый сообразный предмету; темъ разсужденіа умеренный, миролюбивый и почти вездѣ безпристрастный. Вообще трудъ о: Варгама заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, кому нужно основательное знаніе предмета, о которомъ трагуетъ авторъ“ (1). „Книга г. Варадинова, говорилъ я въ другой статьѣ о другомъ сочиненіи по расколу, составляетъ дорогое приобретение литературы какъ по богатству своего содержанія, такъ и по интересу сообщаемыхъ ею свѣдѣній“ (2). Послѣ этихъ выписокъ, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что замѣчаніе г. Попова, будто я только „возстаю“, т. е. нападаю на литературныхъ дѣятелей по расколу—съ заднею мыслию помѣшать имъ трудамъ и чрезъ то „упрочить за собою монополію литературной расправы съ расколомъ“ (стр. 213); есть не болѣе, какъ фраза, сказанная на—обумъ. Наконецъ, если издатель сборниковъ обвиняетъ меня въ неблагонамѣренности за то, что я „возстаю“ въ своѣхъ критическихъ и библиографическихъ статьяхъ противъ „свѣдѣній собственныхъ свидѣтелей“, т. е. не обвиняю уязвляю недостатки въ сочиненіяхъ такихъ лицъ, которыя, подобно мнѣ, дѣйствуютъ противъ раскола, давая за православную церковь; въ такомъ случаѣ я долженъ засвидѣтель г. Попову, что наука не знаетъ никакого кумовства; а знатѣль одну истину и во имя правды обязанъ смѣло высказывать противъ всякихъ возможныхъ ошибокъ, кѣмъ бы онѣ ни были допущены. Такъ поступаю и я. Нахожд. наприм. нигду во: Пересвѣтѣ: усмачаніе о: странствіи...“ дѣяніемъ, я называю ее „удачнымъ произведе-

(1) Хр. чт. 1861 г. ч. II, стр. 414—15.

(2) Хр. чт. 1861 г. ч. III, стр. 276.

нiемъ“ автора, заслужившимъ справедливое одобренiе со стороны не только духовной, но и свѣтской журналистики; а не встрѣтивъ ничего хорошаго въ послѣдникъ полемическихъ сочиненiяхъ о. игумена, я, не обинуясь, назвалъ эти сочиненiя пустыми (1). Поступать иначе, т. е. хвалить не достойныя похвалы сочиненiя — потому только, что они написаны защитниками православiя, быть можетъ, значило бы поступать, по видимому, благонамѣренно, но едва ли добросовѣстно. А это — не въ моихъ правилахъ. Молчать же о подобныхъ сочиненiяхъ значило бы позволять ошибкамъ, въ нихъ находящимся, распространяться и вводить людей неопытныхъ въ заблужденiе. А это не дѣло науки, которою я занимаюсь, и притомъ даже небезопасно для православiя. Всякій, надѣюсь, знаетъ, какiе упреки дѣлаютъ раскольники Церкви православной за ошибки, допущенныя православными писателями противъ раскола въ прошломъ столѣтiи, напр. др. Θεοφιλακτῶμъ лопатинскимъ, Пятиримомъ нижегородскимъ и др. Не безызвѣстно также, что обмолвки писателей и нынѣшняго столѣтiя не пропускаются раскольниками безъ вниманiя, но выставляются на видъ — въ упрекъ самой Церкви. Напр. въ сочиненiи iеросхимонаха Иоанна: „доказательства о древности трехперстнаго сложенiя съ дополненiемъ“, изданномъ въ 1839 году, т. е. уже послѣ утвержденiя извѣстныхъ пунктовъ о единовѣрiи, изъ которыхъ въ одномъ было сказано, что изъ-за обрядовыхъ разностей, существующихъ между нами и раскольниками, а равно и единовѣрцами, не должно быть болѣе споровъ и особенно укоризненныхъ, —

(1) Хр. чт. 1864 г. ч. III.

двуерсие названо армянскими преданіемъ, вѣнческою прелестью и другими именами. Поистинно, что это — ошибка частнаго лица, и однако же какъ поспорили на нее раскольники? Они выставили эту ошибку, какъ одно изъ препятствій, не позволяющихъ намъ присоеди- няться къ Церкви на правахъ единоверія (1). Зная же добрый взглядъ раскольниковъ на ошибку православ- ныхъ писателей, и сколько должно при разборѣ каза- даго, вновь выходящаго, сочиненія о расколѣ не скры- вать недостатковъ „своихъ сподвижниковъ на ратномъ полѣ“, если они есть, а прямо указывать ихъ между прочимъ и для того, чтобы показать раскольникамъ, что недостатки эти — дѣло частныхъ лицъ, которые и отвѣчаютъ за нихъ, и что Церковь православная въ нихъ не виновата. Благонамѣренно ли и православно ли я поступаю въ этомъ случаѣ, пусть судитъ люб- зящій читатели.

Понимая, вѣроятно, что въ (разобранныхъ мною) разглагольствіяхъ г. Попова о моей неблагонамѣренности не достаточны для цѣли, издатель сборниковъ, оставивъ въ стороне мои замѣтки о его трудахъ, обра- щается въ другой моей критической статьѣ, въ кото- рой я разбираю послѣднія сочиненія о. Паресія, и на основаніи этой статьи начинаетъ доказывать и мое неблагонамѣренность, и мое иждивничество право- славно: „Г. Нильскій, говоритъ онъ, началъ съ того, что перепечаталъ дословно всѣ враждебныя правосла- вно указанія раскольниковъ на манеры неправильно- сти, ошибки и погрѣшности нашей Церкви, нашего, что возраженія о. Паресія слабы, но самъ воздер-

(1) См. брошюру: „нѣсколько словъ о русск. расколѣ“ (стр. 96—7).

жался отъ всякихъ опроверженій и послѣдствій не смѣлъ даже и попытки поддержать побѣжденнаго, по смѣлелу его статьи, игумена. Спрашивается, съ какою цѣлю г. Нильскій написалъ и напечаталъ свой разборъ книги: *мечь дуэнтый на раскольничью авлолю?* Если г. Нильскій находилъ опроверженія о. Парвенія слабыми и недостаточными, то уже тѣмъ самымъ признавалъ, что на обвиненія раскольниковъ можно найти болѣе сильныя и болѣе основательныя возраженія. Почему же, вида какъ бы пораженіе защитника православнои Церкви, онъ тутъ же, или послѣдствіемъ не подаетъ ему руку помощи, не ополчился самъ противъ раскольниковъ и не доказалъ обвинителямъ всей неосновательности ихъ обвиненій? Если же г. Нильскій не находилъ, чѣмъ опровергнуть указанія раскольниковъ, то за чѣмъ же предавалъ онъ гласности поразеніе о. Парвенія, за чѣмъ обнародовалъ онъ безсиліе поборника православія и тѣмъ придавалъ еще болѣе значенія обвиненіямъ враговъ нашихъ? Г. Нильскій стоитъ на стражѣ правъ и интересовъ православнои церкви, по званію профессора духовной академіи. Почему этотъ стражъ такъ небрежно равнодушенъ въ защиту (?) того, что ввѣрено его охраненію? Указавъ на поразеніе и отринувшись отъ защиты, онъ какъ бы признавалъ защиту эту невозможною, а обвиненія раскольниковъ не оспариваемыми. Не умели и въ этомъ случаѣ г. Нильскій руководился, какъ и въ отношеніи ко мнѣ, *однимъ* желаніемъ уронить соперника на попріицѣ благонамѣренной дѣятельности противъ раскола и тѣмъ упрочить за собою монополію литературной расправы съ расколомъ? Въ первомъ случаѣ статья его—явная неблагонамѣренность и измѣна

православію; во второмъ — только спекуляція, но спекуляція вредная Церкви, въ которой онъ принадлежитъ; иного исхода изъ положенія, въ которое онъ добровольно поставилъ себя, нѣтъ! (стр. 212 — 13). Есть исходъ, и — самый легкій. По смыслу этихъ словъ г. Попова выходитъ, что критикъ, если онъ находитъ разбираемую имъ книгу неудовлетворительною въ какомъ либо отношеніи, обязанъ самъ написать другую книгу о томъ же предметѣ и, разумѣется, удовлетворительную. Но такъ смотрѣть на обязанности критика значить ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожать самую критику (1). Вы не понимаете, какъ это выйдеть? Очень просто. Представьте, себѣ, что въ январѣ напр. настоящаго года издалъ въ свѣтъ сочиненіе о. Пареній, въ февралѣ — г. Поповъ, въ мартѣ — третій кто либо и т. д. въ безконечность. Всѣ эти сочиненія, по ограниченности ума человеческого, — неудовлетворительны. Что остается дѣлать критику? По мнѣнію г. Попова, онъ, показавъ въ критическихъ или библиографическихъ статьяхъ недостатки вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій, долженъ самъ написать книги о тѣхъ же предметахъ и притомъ книги удовлетворительныя. Ужели же этого можно требовать отъ критика? Ужели у него одного достанеть силъ и времени на такіе громадные труды? Да и кто наконецъ возьмется за такую египетскую работу?.. Издатель сборниковъ можетъ сказать, что подобное предположеніе не идетъ ко мнѣ, такъ какъ сочиненій о расколѣ выходитъ не много. Согласенъ. Только пусть г. Поповъ не забываетъ, что

(1) Не того-ли и хочетъ собственно г. Поповъ, чтобы можно было свободно издавать книжки въ родѣ „сборниковъ“?

у меня, какъ и у всякаго другаго критика, кромѣ „добровольной“ обязанности писать критическія и библиографическія статьи, есть обязанности другаго рода; исполненіе которыхъ не легко. Притомъ — главный вопросъ не въ томъ, на многія или не многія книги не удовлетворительныя пришлось бы критику писать свои книги; важенъ предметъ, затронутый тѣмъ или другимъ плохимъ сочиненіемъ; а кому неизвѣстно, что предметомъ иныхъ сочиненій бывають такія вещи, для дѣльной обработки которыхъ потребовались бы не мѣсяцы, а годы. Для примѣра укажу г. Попову на книгу о. Палладія: „Обозрѣніе пермскаго раскола“. Книга эта, по моему мнѣнію (1), — не удовлетворительна, и написать на нее замѣтки мнѣ не стоило особеннаго труда. Но чтобы составить „обозрѣніе пермскаго раскола“ въ томъ видѣ, какъ я жалалъ бы этого (2), для этого мнѣ нужно было бы не только употребить многіе и многіе мѣсяцы, но даже на время оставить службу. Тогда не только я не имѣлъ бы возможности составить опроверженія обвиненій раскольническихъ, высказанныхъ въ Апологіи, но не въ состояніи былъ бы написать и критическихъ замѣтокъ объ изданіяхъ о. Пареевія. Нѣтъ; такъ понимать обязанности критика, какъ г. Поповъ ихъ понимаетъ, значить просто не понимать дѣла. Я не хочу сказать этимъ, будто критикъ можетъ ограничиваться въ своихъ разборахъ однимъ голословнымъ порицаніемъ сочиненій неудовлетворительныхъ, или — голословнымъ же одобреніемъ книгъ удовлетворительныхъ. Нѣтъ, — долгъ критика, какъ я его понимаю, со-

(1) Хр. Чт. 1864 г. ч. I., стр. 241—272.

(2) Тамъ же стр. 246—7.

стоитъ въ томъ, чтобы, показавъ недостатки разсматриваемаго сочиненія, установить правильный взглядъ на предметъ его и намѣтить по возможности тѣ его стороны, которыя почему либо требуютъ преимущественнаго раскрытія и уясненія. Самая же обработка предмета въ указанномъ направленіи — это уже дѣло того, чье сочиненіе разсматривалось критикомъ, если только авторъ его сочтетъ нужнымъ и признаетъ возможнымъ для себя подобный трудъ. Можетъ взяться за подобное дѣло и критикъ, но уже не какъ критикъ (1), а просто—какъ писатель. Но это уже зависитъ отъ доброй воли критика, и требовать отъ него подобнаго труда никто не имѣетъ права, такъ какъ никому нельзя приказать писать о томъ, а не другомъ предметѣ. И если г. Поповъ, кромѣ замѣтокъ моихъ о его сборникахъ, читалъ и другія мои критическія и библиографическія статьи,—онъ согласится, что я неуклонно слѣдовалъ въ нихъ тому взгляду на обязанности критика, какой сейчасъ указалъ. Не обращаясь къ статьямъ прежняго времени, я укажу въ подтвержденіе своихъ словъ на статью, о которой идетъ рѣчь, т. е. на критическій разборъ сочиненій о. Паренія. Разбирая его „Письмо православнаго священноинока“.. и „Обличеніе отвѣтовъ, данныхъ раскольниками въ защиту такъ называемаго австрійскаго священства“, я говорилъ, что главный недостатокъ означенныхъ сочиненій состоитъ въ неправильной точкѣ зрѣнія автора на предметъ и за тѣмъ указалъ, что нужно сдѣлать обличителю раскола, чтобы церковныя правила о незаконности авст-

(1) Между прочимъ—и потому, что самые предѣлы критической статьи слишкомъ ограничены для самостоятельной разработки какого бы то ни было серьезнаго предмета.

рійскаго священства имѣли для раскольниковъ убѣдительность и силу (1). Точно также пиша замѣтки на „Разборъ окружнаго посланія, составленнаго лжеархіепископомъ Антоніемъ“, я не ограничился тѣмъ, что показалъ неправильное отношеніе о. Пареевнїа къ „посланію“, но указалъ при этомъ и то, на что въ „посланіи“ слѣдовало бы автору „разбора“ обратить главное вниманіе и какъ въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы вести самую полемику съ раскольниками (2). Если же я не многое сказалъ отъ себя при разборѣ двухъ остальныхъ сочиненій о. Игумена: „Меча духовнаго на пораженіе раскольничьей апологіи“ и „Опроверженія записки о русскомъ расколѣ“, — то и это я сдѣлалъ не безъ причины. Какъ „апологія“ раскольническая состоитъ изъ множества частныхъ обвиненій, касающихся разныхъ сторонъ существующаго въ церкви православной и въ обществѣ порядка вещей, такъ и „записка“ (какъ напечатана она у о. Пареевнїа) включаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ мыслей, то благоприятныхъ православію, то брасающихъ тѣнь на него. А послѣ этого понятно будетъ всякому, что при отсутствіи *единства* предмета въ сочиненіяхъ, подавшихъ о. игумену поводъ къ написанію „Меча духовнаго“ и „Опроверженія“, я *не могу* оказать помощи слабому бойцу за православную истину какимъ либо *единичнымъ, краткимъ*, совѣтомъ и долженъ былъ ограничиться только общимъ указаніемъ о. игумену на неправильность его пріемовъ въ полемикѣ и происходящую отъ этого слабость самыхъ опроверженій его. И это я сдѣлалъ

(1) Хр. Чт. 1864 г. ч. III, стр. 450—62.

(2) Тамъ же стр. 481—2.

не съ тою цѣлю, чтобы „уронить соперника на неприщѣ благонамѣренной дѣятельности противъ раскола и тѣмъ упрочить за собою монополию литературной расправы съ расколомъ“, какъ думаетъ издатель сборниковъ, а чтобы показать автору „Меча духовнаго“, что онъ избралъ для своей литературной дѣятельности путь не по силамъ и что своими подемическими сочиненіями, полными самыхъ укориженныхъ выраженій противъ раскольниковъ, онъ можетъ еще болѣе раздражать заблуждающихъ, и безъ того не очень расположенныхъ къ православной истинѣ, и такимъ образомъ вмѣсто пользы причинять вредъ Церкви. Что же касается до мысли г. Попова, будто указаніемъ слабости опроверженій о. Пареевнѣя я придавъ обвиненіямъ раскольниковъ еще болѣе значенія, то, признаюсь, для меня понятно подобное мышленіе въ головѣ раскольника, который ошибку или слабость частнаго лица ставитъ въ вину всей Церкви, — но въ головѣ православнаго издателя сборниковъ подобная мысль не должна бы имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, ужели изъ того, что игуменъ спасо-гуслицкаго монастыря не сумѣлъ надлежащимъ образомъ написать противъ раскольниковъ „Меча духовнаго“, слѣдуетъ, что и Церковь православная — беззащитна?.. Г. Поповъ можетъ сказать, что, признавъ слабость опроверженій о. Пареевнѣя, я придавъ большее значеніе обвиненіямъ „апологій“ не въ глазахъ православныхъ, а въ глазахъ раскольниковъ. Но въ такомъ случаѣ вся вина падаетъ не на меня, а на самаго о. Пареевнѣя, который своимъ не чуждымъ преувеличеніемъ, не во всемъ безусловно справедливымъ, а главное — лишеннымъ духа любви и кротости къ заблуждающимъ, „Разборомъ окружнаго посланія“ возбу-

дѣлъ въ раскольникахъ вмѣсто вниманія къ православной истинѣ — раздраженіе и вызвалъ со стороны ихъ новыя упреки православію, — который затѣмъ, не измѣривъ своихъ силъ, рѣшился для поддержанія своего литературнаго достоинства написать „Мечъ на апологію“, и написалъ его такъ плохо, что раскольники могутъ считать себя побѣдителями о. игумена даже и въ томъ случаѣ, если бы я и не написалъ своихъ замѣтокъ о его изданіяхъ, какъ замѣтили раскольники. несостоятельность „Разбора окружнаго посланія“ о. Пареевнѣ еще прежде, чѣмъ появилась моя статья о его сочиненіяхъ, и — написали противъ него свою „апологію“.

Такимъ образомъ, какъ критикъ, я въ своемъ разборѣ сочиненій гуслицкаго о. игумена ни мало не погрѣшилъ противъ своихъ обязанностей, и г. Ценовъ можетъ въ этомъ случаѣ обвинять меня въ неблагонамѣренности развѣ только за то, что я написалъ критическія замѣтки на сочиненія „своего послѣдшннма на ратномъ полѣ противъ раскола“. Но въ оправданіе подобной неблагонамѣренности я сказалъ нѣсколько словъ прежде, а потому теперь прямо перехожу къ обвиненію меня издателемъ сборниковъ въ томъ, будто-бы я не исполнялъ своей обязанности, какъ „стрижъ правъ и интересовъ православной Церкви, по званію профессора духовной академіи“. Въ этомъ случаѣ издатель сборниковъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что я въ своемъ разборѣ сочиненій о. Пареевнѣ „дословно перепечаталъ всѣ враждебныя православію указанія раскольниковъ на мнимыя неправильности, ошибки и погрѣшности нашей Церкви“, и сдѣлалъ это, по мнѣнію г. Попова, „въ угоду раскольникамъ“ (стр. 219), — во-

вторыхъ, — на то, что, признавъ возраженія о Пареевнн слабыми, самъ я „воздержался отъ всякихъ опроверженій и впоследствии не сдѣлалъ даже и попытки поддержать побѣжденнаго игумена“; въ этомъ обстоятельствѣ издатель сборниковъ видитъ „равнодушiе мое къ защитѣ того, что вѣрено моему охраненiю, явную неблагонамѣренность и измѣну православию“.

Въ отвѣтъ на первое обвиненiе я скажу, что если бы г. Поповъ прочиталъ мою статью: „новыя изданiя по расколу“, онъ нашелъ-бы въ ней объясненiе своему недоумѣнiю, для чего я „дословно“ перепечаталъ обвиненiя раскольниковъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ я, приведя обвиненiя раскольниковъ и замѣтивъ, что они вызваны самимъ о. Пареевнмъ: „собственно говоря, въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды. Истинные сыны Церкви не смутятся приведенными выше обвиненiями Церкви православной со стороны раскольниковъ, а между тѣмъ намъ очень полезно знать все, изъ-за чего удалются отъ Церкви ревнители старины, чтобы свои заботы объ обращенiи заблуждающихъ направлять къ исправленiю въ нихъ тѣхъ именно предубѣжденiй противъ православiя, которыя всего болѣе не позволяютъ раскольникамъ сдѣлаться послушными сынами Церкви“ (1). Изъ этихъ словъ издатель сборниковъ можетъ понять, что я перепечаталъ „враждебныя православию указанiя раскольниковъ“ не для того, чтобы угодить имъ, — объ этомъ у меня не могло быть и мысли, такъ какъ тѣ изъ раскольниковъ, которые писали „Апологiю“, въ „дословной“ перепечаткѣ высказанныхъ въ ней обвиненiй не могли найти для себя ничего новаго, а

(1) Хр. Чт. 1864 г. ч. III, стр. 490.

другіе могли узнать обвиненія „Апологии“, изъ нитки о. Пареевнн, изъ которой и я заимствовалъ ихъ, — а для того, чтобы дать знать православному обществу, какія противъ него существуютъ у раскольниковъ предубѣжденія, и этикъ побудить всякаго, желающаго мира Церкви и имѣющаго возможность, позаботиться объ исправленіи этихъ предубѣжденій — уничтоженіемъ тѣхъ недостатковъ, которые подъ разными вліяніями вкрались въ православное общество и которые, не нарушая чистоты и святости православной Церкви, тѣмъ не менѣе однако-же служатъ предметомъ соблазна для немощной раскольнической совѣсти. Была и другая болѣе простая причина, по которой я перепечатавъ „дословно“ обвиненія раскольниковъ. Пиша разборъ „Меча духовнаго“, я не могъ говорить о достоинствахъ или недостаткахъ труда о. игумена, не познакомивъ предварительно читателей съ главнымъ содержаніемъ „Апологии“, на которую и составленъ „Мечъ духовный“, — такъ какъ безъ этого мой приговоръ о произведеніи о. Пареевнн былъ-бы голословенъ.

Что же касается до другаго и послѣдняго обвиненія, вводимаго на меня г. Поповымъ, то въ отвѣтъ на него я скажу не многое, и именно: доселѣ я не написалъ опроверженія обвиненій раскольническихъ, высказанныхъ въ „Апологию“, не по „равнодушію къ защитѣ православной истины, не по неблагонамѣренности и измѣнничеству православію“, а вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что пока раскольники не будутъ доведены путемъ умственнаго и нравственно-религіознаго образованія до признанія того, что истинная, спасающая вѣра заключается въ правомъ исповѣданіи догматовъ, а не въ рабскомъ благоговѣніи предъ буквой обряда,

и что общество христіанъ, отступившее по какимъ ли-бо обстоятельствомъ отъ нѣкоторыхъ, издавна суще-ствовавшихъ, обычаевъ и порядковъ жизни церковной, можетъ въ то же время оставаться по вѣрѣ вполне пра-вославнымъ и достигать вѣчнаго спасенія, — до тѣхъ поръ самымъ лучшимъ, чтобы не сказать, единственно—убѣдительнымъ для нихъ опроверженіемъ большей час-ти (1) высказанныхъ въ „Аполотіи“ и подобныхъ имъ об-виненій могутъ быть не слова, а дѣло, не полемическія статьи, а административныя распоряженія объ искорененіи тѣхъ недостатковъ въ православномъ обществѣ, кото-рыя смущаютъ совѣсть заблуждающихъ. И такъ какъ многія изъ обвиненій раскольническихъ касаются цѣлаго православнаго общества, то, по моему мнѣнію, кромѣ власти церковной и свѣтской, и само общество должно принять участіе въ трудномъ дѣлѣ примиренія съ Цер-ковію заблуждающихъ — возвращеніемъ къ жизни болѣе согласной съ требованіями христіанской нравственности и болѣе приличной православному обществу, какъ я когда-то и писалъ объ этомъ, призывая все сословія, особенно высшія, оставить тѣ обычаи и порядки, ко-торыя, хотя и не имѣютъ прямаго отношенія къ вѣрѣ, не могутъ однако-же быть признаны строго—христіан-скими и потому служатъ причиною непріязни расколь-никовъ къ самой Церкви православной, будто-бы по-творствующей злоупотребленіямъ (2). Я не знаю, удов-летворится ли г. Поповъ моимъ признаніемъ, но смѣю надѣяться, что никто изъ людей благомыслящихъ не

(1) О несправедливости нѣкоторыхъ обвиненій раскольническихъ замѣчено мною въ самомъ разборѣ сочиненій о. Пареевн (стр. 484—6).

(2) Хр. Чт. 1863 г., ч. I, стр. 27—30.

рѣшится обвинять меня за такое признание ни въ добродетельности, ни въ истинѣ православнаго...

Другимъ доказательствомъ моей неблагонамѣренности, кромѣ разобранность мною, нѣтъ въ „Однѣлѣ“ в. Цепелева. Предоставляя самимъ читателямъ произнести судъ объ ихъ асследовательности и благонамѣренности, я не рекою въ разбору тѣхъ основаній, которыми издатель сборниковъ старается доказать, что свѣдѣнія мои по расколу истинны. Въ этомъ случаѣ, я не стану распространяться слишкомъ много; читатели *Христіанскаго Чтенія* могутъ отчасти судить о степени моихъ свѣдѣній: о расколѣ по моимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ журналѣ, а съ г. Поповымъ я какъ-то затрудняюсь говорить объ этомъ предметѣ. Сознаваясь съ похвальной откровенностію, что онъ „на исторію раскола, а только издатель матеріаловъ для его исторіи“, издатель сборниковъ тѣмъ самымъ даетъ мнѣ право думать, что онъ не можетъ быть компетентнымъ судьбою чьихъ-бы то ни было свѣдѣній по расколу, и что слѣдовательно его неслестный приговоръ о моемъ знаніи раскола еще не можетъ служить укоромъ моему профессорскому званію. Правда, обвиняя меня въ незнаніи мною своего дѣла, г. Поповъ указываетъ на факты, именно—на замѣченные когда-то *Православнымъ Обзорникомъ* недостатки въ моей книгѣ: „объ антихристѣ противъ раскольниковъ“; но читатели *Христіанскаго Чтенія* давно уже знаютъ изъ моего „Объясненія“ (1), насколько справедливы замѣчанія достопочтеннаго журнала касательно моего сочиненія. И такъ какъ издатель сборниковъ не прибавилъ къ нимъ отъ себя ничего

(1) Хр. Чт. 1860 г. ч. I, стр. 494—524.

(стр. 214), то въ отвѣтъ на его обвиненіе я считаю достаточнымъ только посоветовать г-ну Попову прочесть указанное „Объясненіе“ и не повторять на будущее время обвиненій, давно уже опровергнутыхъ. Все это я говорю не для того, чтобы доказать г. Попову, будто я чуждъ ошибокъ, или владѣю свидѣніями о расколѣ всесторонними; нѣтъ; я очень хорошо знаю, что многого, очень многого не знаю о расколѣ; только при этомъ ишю смѣлость думать, что все-таки свидѣнія мои о расколѣ не „ничтожны“.

Я закончилъ свое „Объясненіе“ и, кажется, не потрѣшу противъ правды, если въ заключеніе скажу, что г. Поповъ, при неуиѣннѣ издавать порядочные сборники, не владѣеть еще умѣньемъ „честно обращаться съ печатнымъ словомъ“. Это, по моему мнѣнію, самый снисходительный отзывъ, какой можно произнести объ издателѣ сборниковъ по его „Отвѣту“ на мои замѣтки о его трудахъ.

И. Нильскій.